

Александр МАТВЕИЧЕВ

Красноярск

Александр Васильевич Матвейчев родился 9 января 1933 года в Татарстане. С 1959 года живёт в Красноярске. В прошлом офицер, инженер, директор предприятия. Пишет с детства. Прозаик, поэт, публицист. Служил офицером в Китае, работал инженером на Кубе. Профессионально владеет английским и испанским языками. Автор 25 изданных книг, регулярно публикуется в журналах, альманахах, сборниках. Член редакционного совета альманаха «Новый Енисейский

литератор». Президент Английского литературного клуба при Красноярской краевой библиотеке. Член Союза российских писателей.

E-mail: matveichev_ab@mail.ru

Site: www.matveichevav.narod.ru

ЗИМА 1941 ГОДА

Отрывок из эссе «Моя Великая Отечественная»

Страшнее зимы с сорок первого на сорок второй год я не помню. Морозы за тридцать градусов с ноября стояли сухие, смертельные. Шёл первый год Великой Отечественной. Мне восемь лет, учусь во втором классе. Одежонка, исключая валенки, лишь символически зимняя — на вате или на рыбьем меху. До школы километра полтора; пока добежишь по заснеженным улицам — душа и тело сливаются в ледяную сосульку. И это полбеды. Приходилось вставать в пять утра и до школы сбегать на такое же расстояние — в сопровождении верного лохматого Джека — в очередь за хлебом в лавку в центр городишка Мамадыш. А там сначала ждать открытия булочной не меньше часа в длинной очереди на улице, а потом, когда магазин открывался, — с риском быть смертельно задушенным-задавленным немилосердными взрослыми: каждый из дядек и тёток стремился прорваться к прилавку в числе первых. Взрослых одолевала не родительская любовь к детям, а страх опоздать на работу: за пять минут опоздания можно было угодить в тюрьму или лагерь на пять лет.

А чёрный пёс терпеливо дожидался меня и хлебного довеска на улице.

От разговоров взрослых в очереди брала тоска: отстоят ли наши Москву; что будет с нами, если немец от столицы одолеет почти тысячу вёрст и захватит Мамадыш... Недаром

же власть приказала соблюдать светомаскировку: с вечера не зажигать фонари на столбах и плотно занавешивать окна домов. С наступлением темноты было страшно выбегать в надворную уборную, поэтому ходили в вёдра. К Казани якобы уже прорывались немецкие самолёты и сбрасывали бомбы. А от столицы Татарии до Мамадыша всего полторы сотни километров — каких-нибудь двадцать минут лёта фашистским «юнкерсам». И на весь наш городок не было ни одного бомбоубежища. Говорили, что вот-вот заставят рыть укрытия во всех дворах или в огородах.

А в школе ко мне придиралась пожилая учительница, Екатерина Иосифовна. Однажды — за болтовню во время урока — приказала выйти из класса. Однако я не подчинился. Она подскочила ко мне и стала выдёргивать за шиворот — злая бабка репку из гряды — и едва не задушила меня воротником. Я вцепился за край пюпитра, закашлялся от удушья. И тогда она сдёрнула с моих ног валенки, вытолкнула ударом колена под зад в коридор. Засеменила в учительскую и позвонила в райком комсомола моей сестре, с полгода назад состоявшей директрисой этой школы.

Наташа приехала довольно скоро на райкомовской кошёвке и, увидев меня в коридоре без валенок, спросила, куда я их девал. «Сдал в фонд обороны», — нашёлся я с ответом.

Эта фраза сразу превратилась в домашний анекдот на всю оставшуюся жизнь. Сбор тёплых вещей для фронтовиков в фонд обороны был патриотическим почином. На фронт отсылались посылки с вязаными носками и варежками, валенками, портянками, махоркой. Отдельно собирались деньги, драгоценности на производство вооружения — танков, самолётов, пушек. Из репродукторов, плакатов на стенах, киножурналов, речей на собраниях в уши и души врывались страстные и страшные призывы: «Всё для фронта!.. Всё для победы!.. Смерть немецким оккупантам!.. За Родину! За Сталина!.. Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Валенки в фонд обороны не приняли, вернули мне, и сестра меня с комфортом, на кошёвке, укутав в казённый овчинный тулуп, доставила домой. А вечером попыталась продолжить воспитание невесомым клеёнчатым ремешком. Однако я разрушил её коварный план: нырнул под стол, брыкался, и

она не могла меня оттуда вытащить. А я угрожал, что побегу на фронт и всё расскажу сержанту — моему брату Кириллу. Мы уже получили от него пару коротких писем на листах, свёрнутых в треугольники, с передовой, написанных каллиграфическим почерком, понятным даже мне, второкласснику. Навсегда врезалась в память фраза из одного из этих дорожных посланий с бойни: «Ломаю рога фашистскому зверю...»

Той же зимой к калитке дома, громко скуля и истекая кровью, приполз по снегу мой лохматый чёрный Джек. Я и десятилетняя двоюродная сестра Веруська со слезами волоком затащили дворнягу во двор, а потом в пустой хлев, уложили на солому, и я укрыл жалобно скулящего пса своим пальтишком. Какой-то негодяй выстрелил в него дробью, ранил в шею и выбил правый глаз. Мы его выхаживали, но я остался без пальто и вынужден был ходить в школу в старой, мне до пят, шубейке моей сестры, пока портной порол и шил для меня обнову из пиджака мужа тётки Нади, воевавшего на неизвестном фронте. В кладовке хранилось много его столярного и плотничьего инструмента. Он и этот дом сам поставил из лесоматериала с соседней лесопилки, где работал бригадиром, но брони не имел и сразу попал на фронт. От него не было никаких вестей, и тётка Надя, радуясь, что осталась бездетной, гадала, погиб он или угодил в плен.

А вскоре я пережил потерю выздоровевшего таки Джека. Незадолго до его пропажи он преподнёс нам с Веруськой сюрприз. Мы пилили дрова на козлах во дворе двуручной пилой, а он прокрался в сени, из них — в открытую кладовку и выскочил во двор, унося в зубах драгоценный кусок мёрзлой свинины, завернутой в мешковину. Я бросился к нему с поленом в руке, но он перемахнул штакетник и по глубокому снегу умчался в дальний край огорода. А где запасливый кобель закопал добычу — обнаружить нам не удалось. А потом исчез и сам, и я каждое утро оплакивал без вести пропавшего друга, отправляясь в очередь за хлебом по заснеженным тёмным улицам один, без охраны, без его заливистого обмена лаем со знакомыми собаками Заошмы.

пос. Памяти 13 Борцов, 26 февраля 2015